

Summary.

Dudko D.M.

Burial Ritual of Noble Rus: Ethnohistorical and Mythological Roots

The authors of IX-X cent. and Russian bylina «Mikhailij Potyk» describe burial ritual of noble Rus: in a subterranean chamber, with a woman, a horse and weapons. This description suits most of all to the noble chamber graves of IX-X cent. in Rus, Scandinavia and Moravia and to catacomb graves of Saltov Alans of VIII-IX cent. In Scandinavia this ritual has autochthon roots. On the Middle Dnieper it is evidently connected with an old Iranian, Scytho-Siberian tradition accepted by Slavs in Cimmerian and Scythian time tested among Sarmatians and Cherniakhov tribes. The succession of this tradition was secured by its connection with an Iranian-Slavic myth about Thunder God deceived by his wife (an evil chthonic goddess) buried alive, but resurrected in spring. This ritual has some common features with noble burials in boats in Rus and Scandinavia.

В.Я. Петрухин
(Москва)

Ибн Фадлан о власти русского князя и хазарская традиция

Проблема власти русского князя в IX – первой половине X в. связана, в первую очередь, с разной «репрезентацией» этой власти в источниках.

Из Бертинских анналов (839 г.) и восточных источников, восходящих к Анонимной записке 870-х гг. (Ибн Руста и др.), следует, что предводители «народа» русь претендовали на титул кагана (хакана). У Ибн Руста говорится, что «у них есть царь, избираемый хахан русов». Он выполняет у руси судебные функции, но должен подчиняться некоторым жрецам, которые назначают жертвы (в том числе человеческие) творцу. Русь со своим царем живет на загадочном острове, откуда на кораблях ходит в землю славян, кормится у них, берет их в плен и продает в «Хазаране» и Болгаре. Этим сведениям сопоставляется информация того же источника о венграх, которые также берут дань со славян и продают их в греческом городе Керчи (?). Описанная ситуация соотносится с данными начального летописания об эпохе призвания варяжских князей (850-870-е гг.), когда варяги, а затем призванная русская дружина Рюрика берут дань со словен, кривичей и мери на севере, а хазары – с голян, северян и вятичей на юге. Венгры, оказавшиеся в середине IX в. в междуречье Дона и Днепра, считались вассалами хазар, и, видимо, через них шла славянская дань в каганат (ср. Петрухин 2004).

В начальном летописании доминирует представление о призванном по ряду родо-племенных князей, старший из которых, начиная с Рюрика, является главой княжеского рода, распределяет между своими мужьями дани, города и волости. С летописным рассказом о призвании трех князей-братьев соотносится сюжет другой группы восточных источников, повествующих о трех группах руси, имеющих три центра, в каждом из которых правит «царь» (малик). Главной считается группа ас-Славийя, которая традиционно в современной историографии отождествляется со словенской волостью новгородского князя. Другой центр, ближайший к Болгару, – Куйбаба-Киев. Третья группа – ар-Арсания, откуда не пускают чужеземцев, остается загадочной, хотя опять-таки традиционно отождествляется с Ростовом (Арса, Артаб) в волости кривичей и мери. Если попытаться еще раз более соотнести этот сюжет с летописными данными, то можно признать (след за А. П. Новосельцевым – Новосельцев 1965), что рассказ о трех группах руси сформировался тогда, когда Новгород был главным городом Рюрика, поселившегося своих земляках в Ростове, а Киев оказался во власти руси Аскольда и Дира, но не стал еще центром в соответствии с летописными датировками рассказ можно отнести к 860-870-м гг. времени Анонимной записки, которой пользовался Ибн Руста)

Так или иначе, в ренних источниках очевидны две изначальные тенденции, связанные с характеристикой власти русских князей: единовластие с претензиями на титул кагана

и «коллективный созеренитет», при котором несколько князей опираются на сеть русских городов.

Самым экзотическим описанием быта «единовластного» русского царя является свидетельство очевидца - Ахмда Ибн Фадлана, который сам расспрашивал в Болгаре русов об их обычаях в начале 920-х гг., и которое проанализировал В М Бейлис (1990). Царь русов бездеятелен и проводит время с наложницами и ближайшей дружиной в своем «замке». «И он не имеет никакого другого дела, кроме как сочетаться [с девушками], пить и предаваться развлечениям», не сходя со своего роскошного ложа. Даже на лошадь он взбирается только с этого ложа и туда же подлезает, возвращаясь из поездки. «У него есть заместитель (*халифа*), который командует войсками, налагает на врагов и замещает его у его подданных» (Ковалевский 1956. С. 146) Здесь же арабский дипломат описывает и быт хаkana, или "большого хаkana" хазар, который является на глаза подданным лишь раз в четыре месяца и обитает во дворце со своими женами и наложницами, доступ в который открыт лишь для его заместителя (*халифа*), именуемого *хахан-бех* - он "предводительствует войсками [...], управляет делами государства", вершит суд, ему подчиняются вассальные "цари" соседних государств" т.д.

«Восточный быт» - сидение на ковре и связанные с ним ритуалы были распространены в древнерусской княжеской среде в домонгольскую эпоху. Сравните, в частности, суд над Давыдом Игоревичем в Увечихах (1100 г.). Давыд был допущен к прочим князьям, а они ему заявили: «да се еси пришел и седишь с братьею своею на одном ковре», а затем «сташа вся братья на коних, и ста Святополк с своею дружиною, а Давыд и Олег с своею разою кроме себе, а Давыд Игоревич седише кроме, и не приступають его к себе, но особь думашу о Давыде, и, сдумаша, послаша к Давыду мужи свои, Святополк Путяты, Володимир Оросты и Ратибора, Давыд и Олег Торчина. Послание же приидоша к Давыдову и рекоша емоу: Посланные передали решение княжеского суда о лишении Давыда Владимира Волынского и о передаче ему Бужжа, (ПВП. С. 116). Кроме того, Г.В Глазырина обнаружила параллель описанию Ибн Фадлана в мотиве поздней скандинавской «Саги об Ингаре Путешественнике»: Ингар верхом въехал в зал к высокому сидению местного конунга Эймунда, который не выказал ему - сыну конунга Олава должного почта (Глазырина 2002. С. 253, 296). Вообще быта «сидения на столе» (престоле) и сидения в думе сходен в древнерусской и скандинавской традициях. Один из древнейших примеров ритуала «сидения» дает Константин Багрянородный в жизнеописании Василия I (97): принимая архиепископа, русский князь «собрал сходку из подданных и воссел впереди со своими старейшинами» (Продолжатель Феофана С. 142).

Существенно, что «двоевластие», уже не у руси (ар-рус), а у славян (ас-сакалиба) упоминает Ибн Руста, опирающийся на анонимную записку 870 г., - равнинную и лесистую землю славян он помещает в 10 днях пути от страны печенегов, куда следует добираться по степи, через потоки и леса. Неясность географических координат породила у историков разное отношение к тому, о каких славянах идет речь - восточных на Руси или западных в Центральной Европе (Моравии). При этом исследователи опирались на приводимые арабским автором географические «реалии» упоминание некоего города В ат в «начале славянских пределов» - он ассоциировался со времен Ф. Вестберга с именем вятичей (см. Новосельцев 1965. С. 394; бездоказательность этих ассоциаций

предемонстрировала Т.М. Калинина - Калинина 2003. ср. Седов 2002. С. 294); другой город - ставка царя славян в середине их страны - именуется Джарват, ассоциировавшийся с искаженным этнонимом Хорват, Д.А. Хвольсон, однако, без особых оснований отождествлял его с Краковом, А. Я. Гаркави - с Киевом (как столицей); А. П. Новосельцев признавал, что территория восточноевропейских хорватов русской летописи претендовать на то, чтобы находиться в центре славянских земель (Новосельцев 1965. С. 394-395), но их ареал ни в одной из исторических традиций не может считаться «столичным». Трудно соотносить славян анонимной записки и с моравянами, даже если принять интерпретацию Т. Левичко и Х. Ловмянского (см. Lewicki 1977. С. 128-129) и признать, что имеются виду "белые хорваты" - "выслане": анонимной записке известен народ *м рват* - мораване как христианский и обитающий за горой, а не на равнине.

Описание «царя», живущего в Джарвате, также вызывает попытки различной интерпретации: «Глава их коронуется, они ему повинуются и от слов его не отступают. И упомянутый глава, которого они (славяне) называют тавой глав (*таис ар-русас*), зовется *у них свет-малик*. И он выше супанеджа, а *супанедж* является его заместителем наместником - *халифа*). Царь это имеет верховых лошадей и не имеет иной пищи, кроме кобылье молоко. Есть у него прекрасные, прочные и драгоценные колчуги. В его городе ежесменно на три дня устраивают торг. Славяне живут из-за холода в землянках, отапливаемых каменными очагами. «Царь ежегодно объезжает их. И если у него из них есть дочь, то царь берет по одному из ее плательв в год, а если сын, то также берет по одному из плательв в год. У кого же нет ни сына, ни дочери, то дает по одному из плательв жены или рабыни в год» (Новосельцев 1965. С. 388-389; ср. Lewicki 1977. С. 37-39). «Моравская» концепция во многом ориентируется на сопоставление данных анонима с известными из других источников историческими лицами и событиями, так, князь царя славян *свет-малик* соотносится не просто с характерным для славянской княжеской ономастики элементом 'svk', означающим не столько «святость», сколько «плодородный рост» (что соответствует функциям «сакрального царя» Топоров 1987), а конкретным именем моравского правителя - Святополк (870-894), который подчинил восток (и крестил их правителя), у того же Т. Левичко и др. (ср. Kmieciowicz 1978; Trjeshchik Достал 1991 С. 95-96). Святополк - «князь князей» у которого имеется заместитель *супанедж* - для него у анонимного автора имеется традиционное у мусульман обозначение - халиф (хотя арабский халиф является наместником самого Аллаха)'. Само слово трактуется исследователями как передача славянского *жулан* (*жуланч*), или тюркского *subeh* - воевода, что напоминает о «диархии» у тюрков-степняков (Trjeshchik, Достал 1991 С. 95-96). О степном влиянии напоминает также быта царя или кумыс - кобылье молоко; можно заметить, что тюркское влияние не менее характерно для Моравской державы, сформировавшейся на развалинах Аварского каганата, чем для Киевской Руси. Остается неясным, кто был *свет-малик* Анонимной записки - едва ли речь идет о правителе днепровских славян: анонимный автор упоминает восточных славян лишь в связи с набегами на них руси с легендарного «острова (или полуострова)

«Халиф» в данном случае - передача понятия «заместитель, наместник» в мусульманском мире халиф как правитель был наделен сакральными функциями и сопоставлялся с папой в западе Европы, светской властью наделялись султаны, ср. Луцицкая 2001. С. 162-163, Бонгольд 1966

русов» и венгров из степи Русь продает пленников в Хазаране и Булгаре, венгры — в Боспоре. Эта информация соответствует летописным известиям о варяжской дани со славян на севере Восточной Европы, и хазарской — на юге (где венгры были вассалами хазар — ср. Петрухин 2004): у славян в Киеве тогда не было князя после смерти Кия и до прихода Аскольда и Дира.

Хотя «царь (малик) русов» не именуется у Ибн Фадлана хаканом, из контекста очевидно, что описание его быта соотносится с описанием быта хазарского кагана. Детали описания позволяют предположить, что о быте царя рассказывали арабы сами: русские информанты: «царский» обычай прилюдного соития с наложницами совпадает с поведением русских купцов, которое наблюдал сам Ибн Фадлан. Обычай этот характерен для образа сакрального царя в распространённом сюжете «золотой ветви»: правитель должен был демонстрировать свою силу, в том числе и сексуальную (Petrukhin 2004). Неясно при этом, насколько эти информанты стремились изобразить быт правителя в соответствии со своими представлениями о престиже власти царя, и насколько их информация отражала реалии, в том числе исторические — «двоевластие», свойственное многим обществам раннего средневековья. Это «двоевластие» находит параллелизм в Аварском каганате, повлиявшем на социальное развитие Моравии (ср. Бейлис 1982, Калинина 2003. С. 214-215).

Бесконечные споры о «диархии», «двоевластии» и т.п. у хазар (см. из последних работ — Цукерман 2002) не учитывают, в частности, свидетельства «Шестоднева» Иоанна Экзарха (125 б, 10) о традиционном с библейских времен наследовании от отца к сыну и от брата к брату, известном и у болгар, и у «козар». О двоевластии вообще не упоминает в своем любимом последнем хазарский царь Иосиф, и неприемлемая для иудаизма (да и для любой государственной власти) традиция жертвоприношения сакрального царя, описанная со слов хазар восточными (внешними) наблюдателями — любителями «дикинок», представляется автору фольклорным архаизмом, не имеющим отношения к государственным реалиям (Petrukhin 2004; представления о сакральном кагане у центральноазиатских торгов никомим образом не отменяли дворцовых интриг против священного царя: ср. Кляшторный 2003. С. 160-161). См. также кархаическим истокам сакрального царства у хазар и болгар Степанов 2003. С. 93 и сл.

К. Цукерман (2002. С. 530) считает молчание Иосифа о «диархии» традиционным «извращением национальной истории в политических целях, подобным каролингской историографии гибели и упадка династии Меровингов». Пример явно неудачен: как раз эта историография и сами Каролинги прилагали чрезвычайные усилия для оправдания легитимности власти, майордомы стремились заручиться поддержкой пап против «клевеных королей» и т.п. — вплоть до чина помазания, совершенного при коронации Пипина, основателя династии Каролингов, присвоившего вместе со светской властью сакральные функции правителя и уподобившегося библейскому Давиду, которого помазали вместо Саула (ср. Уоллес-Хедрилл 2002. С. 128; Марбухские анналы, Хэгерманн 2003. С. 36 и сл.; Лебек 1993 — о Liber historiae Francorum и др.) Характеристика франкских королей, наделенных сакральным статусом, как «клевеных» означает деритуализацию отношения к королевской власти: показательно же отношение к ленности в древней Руси. Поучение Мономаха прямо призывает княжичей «не лениться», а Иларион в «Слове о законе и благодати» прославляет даже языческих князей за храбрость и мужество. Эйнарх писал, что «в роду Меровингов» уже «не было никакой

измененной силы, и ничего замечательного, кроме пустого царского звания... Богатство и могущество короля держалось в руках дворцовых управляющих, которых называли майордомами» (Жизнь Карла Великого (1).

«Жизненная сила» правителя магическим образом заключалась в его волосах, у «клевеных королей» франков и тюркских каганов, чьи волосы не заплетались в косы и повязывались лентой (Petrukhin 2004); эта прическа воплощала и ритуальную свидетельствость правителя, неспособность его к низменному труду. Заметим, что русский князь Святослав, по описанию Льва Диакона, носил лишь оселедец на бритом черепе: волосы не должны были мешать ему сражаться.

Конечно, система наследования от отца к сыну или от брата к брату не препятствовала фольклорной сакрализации образа и функций самого правителя, вплоть до надления его ответственностью за урожай, включения в календарные ритуалы и т.п. (см. Бадаганова-Покровская, Плюханова 1993. С. 109 и сл.) В восточнославянской традиции такая включенность характеризует, в частности, культ Бориса и Глеба (первых кузнецов «пашаерей народных легенд): однако растительная символика и ассоциации с дружинным близнецным культом перестают быть самодовлеющими, их смерть — подражание Христу, а не жертва сакрального царя из фрейзерской «Золотой ветви» (Топоров 1987. С. 236 и сл.). Ср. также о конфликте герцога (майордома) и священного короля во франкской традиции, Хэгерманн 2003. С. 36, 61-62.

Во всяком случае, постоянно дискутируемая проблема соотношения власти Аскольда и Дира, Олега и Игоря, фигура Свенельда, сохранившего свои властные позиции при Дире, Святославе и Ярополке Добрыня и его потомки действительно свидетельствуют о широких властных функциях воеводы в древнейшей Руси. Ср. формулу договора 971 г. составленного «при Святославе, величнем князи русеи» и при Свенельде» (ПВЛ. с. 349). При этом В. М. Бейлис обратил внимание на то, что у Льва Диакона, описывающего волею Святослава с Цимисхием, упоминаются воеводы, которые занимают второе место после князя: Фрэнгел, командовавший русскими войсками в Преславе, после его смерти — Имор, который «был уважаем всеми за одну доблесть, а не за знатность единокровных «сородичей» (Лев Диакон. С. 125, 129), то есть не был членом княжеского рода. Если поверять этой «иерархии», выстраиваемой по данным византийского историка, то Свенельд занял второе место после князя уже после гибели Имора и подписав договор о капитуляции в Доростоле. Так или иначе, образ Святослава и в летописи, и у Льва Диакона совершенно не соответствовал образу бездетельного «царя русов» у Ибн Фадлана: его облик скорее соответствовал облику «военно-демократического» вождя боевой дружины, чем сакрального правителя.

Очевидно, что функции княжеской власти могли быть изменчивыми в период становления государственности и зависели от исторической ситуации, в том числе внутри княжеского рода. Но в целом «доктрина» изначальной княжеской власти была сформулирована в Повести временных лет. Один из ее запятанных вопросов «Кто в Киеве нача первее княжити?» направлен на оправдание власти Олега как представителя русского княжеского рода. Аскольд и Дир, кем бы они ни были — боярами Рюрика или

иерархом, она соответствовала формуляру договора с греками, писанного при Теофиле Свенельде и к Ивану, нарицаемому Цемьскию, царю греческому», но что обратил внимание болгарский исследователь М. Раев

самостоятельными киевскими князьями, — изображаются узурпаторами, захватившими «выморочный» город (его легендарные основатели давно умерли), но не призванными править «по ряду». Хотя договор 911 г с греками заключается «от Олга, великого князя руского, и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь, и его великих бояр» а в договоре Игоря 944 г. уже поименно перечислены князья — представители «рода руского», в том числе племянники Игоря, Киев остается в руках старшей княжеской ветви. После смерти Игоря на метрополию не претендует никто из представителей княжеского рода, кроме его вдовы Ольги, которая правила при малолетнем Святославе. Ее признают «архонтиссой Росии» и в Византии, судя по приему, оказанному ей в Константинополе Константином Багрянородным, и по данным Начальной летописи.

При этом титул каган в летописи не применялся к русским князьям — летописец предпочитала термин «единовластец», кальку греч. «монарх», но оставался привычным в русской княжеской традиции до тех пор, пока актуальным оставалось хазарское наследие. Иларион в «Слове о законе и благодати» именуется каганами летописных «единовластцев» Владимира и Ярослава, ставшего единовластцем после того, как он вернул себе левобережную Русь с Северянской землей и Тмутаракань — бывшие хазарские владения, которые были подвластны его отцу.

Заметим, что Византия не признавала этого титула, именуя русских князей архонтами (Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 291), видимо, не в последнюю очередь потому, что Русь вслед за Хазарией, претендовала на боспорские владения империи. Титул кагана не упоминает и в ПВЛ в отношении русских князей — там этим титулом именуется лишь «князь козар», возможно, этот титул вышел из употребления на Руси после потери власти над Тмутараканью (и Боспором).

При этом в современной историографии распространен тезис о признании высокого титула за русским правителем, основывающийся на единичной фразе из письма франкского императора Людовика II, отправленного в 871 г. византийскому императору Василию I. Людовик утверждал, что «хананом мы называем государя авар, а не хазар (в письме они именуются Gasari) или норманнов (Nortmanni), или князя болгар». Фраза свидетельствует о том, что в империи франков, во-первых, мало что знали о хазарах, во-вторых, со времен появления «росов» Бертинских анналов, прочно ассоциировали русь с норманнами, но не признавали заявляющих в 838-839 гг. претензий на титул кагана. Сторонники киевского «Русского каганата» делают из этой фразы парадоксальный вывод о том, что дипломатический довод Людовика направлен против византийской традиции, якобы в «византийской канцелярии» правителя Руси продолжали именовать «хананом» (допуская норманское происхождение киевских правителей Аскольда и Дира: ср. Ловмянский 1985 С. 194-196; Назаренко 1999 С. 290-291) Этот вывод имеет в некоторое право на существование, если бы в той же канцелярии «хананом» именовали и болгарского князя, но правитель Болгарии в IX в. оставался для империи «архонтом» (Литаврин 1999. С. 218 и сл.), какими оставались для нее и русские князья. Признанным в Византии носителем титула каган был только правитель Хазарии (ср. Литаврин 2000. С. 41; Петрухин 2001). Но и русские правители в исторической ретроспективе ориентировались не на прошедший хазарский, а на актуальный «монархический» библейский и имперский образец Владимир в ПВЛ сопоставляется с Соломоном (в том числе по числу наложниц) и Константином Великим, чеканил монету

подобно византийским императорам (Петрухин 2002)¹.

Однако, тенденция к единовластию, естественным образом сохранявшаяся в Киеве (сочеталась на Руси с традицией родового сюзеренитета: править «племенными» (в широком) волостями можно было не из Киева, а лишь опираясь на расширяющуюся сеть городов, где сидели бы князья, связуемые хотя бы кровным родством. Отсюда стремление единовластцев Владимира и Святослава распределить столы между родственниками, что приводило к неизбежным распрям после смерти старейшего князя на протяжении всего древнерусского периода

Литература

- Баданова-Покровская Ф., Плеханова М. Средневековая символика власти в Slavia Orthodoxa // Годишник на Софийския университет «св. Климент Охридски». Факултет по славянския филология. Книга 2 — литературознание. Т. 86. 1993
- Бартольд 1966 Бартольд В.В. Халиф и султан // Сочинения. Т. 6.
- Бейлис 1992 Бейлис В.М. Ибн Фадлан о «двоевластии» у русов в 20-е гг. X в. // Образование древнерусского государства. Спорные проблемы. Тезисы докладов. М. С. 35.
- Глазырина 2002 Глазырина Г.В. Сага об Ингваре Путешественнике. Текст Перевод Комментарий. М., 2002.
- Калинина 2003 Калинина Т.М. Интерпретация некоторых известий о славянах в «Анонимной записке» // Древнейшее государство Восточной Европы 2001. М. С. 204-217.
- Кляшторный 2003 Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники финишского письма. СПб
- Ковалевский 1956 Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 г. Харьков
- Константин Багрянородный: Константин Багрянородный. Об управлении империей М. 1991
- Лебек 1993 Лебек С. Происхождение франков V-IX века. Т. 1. М
- Литаврин 1999 Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб
- Литаврин 2000 Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XI в.). М.
- Ловмянский 1985 Ловмянский Х. Русь и норманны. М.
- Луцкая 2001 Луцкая С.И. Образ другого. Мусульмане в хрониках крестовых походов. М.
- Марбухские анналы: Annales Marbucenses qui dicuntur // MGH. T. 9. Hanlover. 1907.
- Назаренко 1999 Назаренко А.В. Загадочноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Под ред. Е.А. Мельникова. М. С. 259-406.
- Новосельцев 1965 Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Имперский образец был «задан» правителями варварских государств Европы, начиная с Великого переселения народов ср. Шкаренков 2004, столь же естественно оказывался образец библейский — «святыя царей Давида и Соломона, нового христианского народа как «новорода Израиля» и т.п. ср. «Слово о законе и благодати» Илариона и франкскую традицию сем. Карл Великий именовался Давидом. Gagnon 2000, Успенский 2000. С. 13-14)
- Хазарский альманах², том 4. Харьков, 2005

Руси VI-IX вв // Новосельцев А.П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М. С. 355-419.

Петрухин 2001. Петрухин В.Я. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // Древнерусское государство Восточной Европы. 1999. М. С. 127-142.

Петрухин 2002. Петрухин В.Я. Христианство на Руси во второй половине X - первой половине XI вв // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М. С. 60-132.

Петрухин 2004. Петрухин В.Я. Русь, венгры и Болгария в IX в. к характеристике геополитической ситуации // Civitas divino-humana. В честь на професор Георгий Бакалов. София. С. 641-650.

ПВЛ: Повесть временных лет. Изд. 2-е. СПб., 1996.

Продолжатель Феодана. Жизнеописания византийских царей. Изд. подготовил Я.Н. Любарский. СПб. 1993.

Седов 2002. Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.

Степанов 2003. Степанов Ц. Света на средневековите българи, София.

Топоров 1987. Топоров В.Н. Об одном архимном индоевропейском элементе в древнерусской культуре - *svk // Языки культуры и проблемы переводимости. М.

Тржешттик, Достал 1991. Тржешттик Д., Достал Б. Великая Моравия и зарождение Чешского государства // Раннефеодальные государства и народности. М., 1991.

Уоллес-Хедрилл. Варварский запад. СПб., 2002.

Успенский 2000. Успенский Б.А. Царь и патриарх. Помазание на царство и семантика монарших ритуалов. М.

Хэгерманн 2003. Хэгерманн Д. Карл Великий. М.

Цукерман 2002. Цукерман К. О происхождении «двоевластия» у хазар и обстоятельстве их обращения в иудаизм // Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии IX // Симферополь, 2002.

«Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского. Ранняя русская редакция. Издание подготовила Г.С. Баранкова. М., 1998.

Шкаренков 2004. Шкаренков П.П. «Regnum nostrum imitatio vestra est»: Формирование политической концепции королевской власти на рубеже античности и средневековья // Кентавр. Studia Classica et mediaevalia / №1. М.

Эйнхард. Жизнь Карла Великого // Историки эпохи Каролингов. М., 1999.

Garrison 2000: Garrison Mary. The Franks as the new Israel? Education for an identity from Pippin to Charlemagne // The Uses of the past in the Early Middle Ages / Cambridge.

Kmieciewicz 1978: Kmieciewicz F. Die Titel der Slawenherrscher in der sog. "Anonymen Mitteilung" einer orientalischen Quelle // Folia Orientalia. 1978. 19.

Lewicki T. Urydia arabskie do dziejow slowianszczyzny T.2 cz.2. Wroziaw - Wars., 1977.

Petrukhin 2004: Petrukhin V. Ja. A note on the Sacral Status of the Khazarian Khagan. Tradition and Reality // Monotheistic Kingship. The medieval Variants. CEU Mediaevalia. Budapest. P. 269-275.

2. Публикации

В.К. Михеев (Харьков), А.А. Тортика (Харьков)

Неопубликованная рукопись А.П. Ковалевского*: тернистый путь научного творчества

Рукопись представляет собой машинописную копию, вероятно вторую, выполненную под черную копировальную бумагу. Формат А-4, бумага писчая, стандартная, сильно пожелтела, шрифт стандартный, междустрочный интервал – одинарный, количество страниц по нумерации автора – 41, реальное – 42. Это несоответствие связано с тем, что А.П. Ковалевский в тексте выделяет страницу № 33-А Отдельно, без нумерации к рукописи прилагается страница с «Содержанием». Над содержанием дано название работы, полностью соответствующее названию рукописи. Над названием, в левом верхнем углу строчки написано А.П. Ковалевский.

В верхнем левом углу рукописи, на первой странице напечатаны фамилия и инициалы автора – Ковалевский А.П. Рукопись имеет авторское название: «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу и его изучение за десять лет». Рукопись подписана и продатирована самим автором. Подпись А.П. Ковалевского стоит на последней, 41-й по нумерации автора странице, помещена над напечатанной на машинке фамилией автора – А. Ковалевский (См. рисунок 1.), выполнена чернильной ручкой, черными чернилами, дата – 25 декабря 1949 г.

Рис. 1.

Сам А.П. Ковалевский так определяет содержание и структуру своей статьи. Она состоит из десяти структурных и смысловых элементов, расположенных в следующей последовательности:

- 1) От выписок в географическом словаре к изучению редчайшей рукописи
- 2) В поисках «неизвестного Ибн-Фадлана».
- 3) Литературная среда.
- 4) Легенды далекого севера
- 5) Что же мы знаем о самом Ибн-Фадлане?

* До проведения конференции в честь 110-летия со дня рождения А.П. Ковалевского рукопись хранилась в научном архиве В.К. Михеева, а затем была передана в Центральную научную библиотеку Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (Ред.).